

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Годовщина

Собрание сочинений в 10 томах. Т. 3. - М.: "Правда", 1988

Сегодня мне сорок лет [1]. Помню, ровно двадцать лет тому назад я, точно так же, как и теперь, сидел дома - и вдруг кто-то позвонился в мою квартиру.

- Пожалуйте, ваше благородие! лошади готовы! - сказал, входя, унтер-офицер.

- Что такое? куда? зачем?

Он назвал мне одну из далеких северных трущоб, о которой никак нельзя было сказать, чтобы там росли апельсины.

Мне очень не хотелось ехать, но я поехал. Дети! когда вы умудритесь, то поймете, что иногда слово "не хочу" совершенно естественно превращается в "хочу" и что человек, существо разумно-свободное, есть в то же время и существо, наиболее способное совершать такие движения, которые совершенно противоположны самым близким его интересам.

В то время я был очень добронравный, скромный и безобидный молодой человек. Я мечтал о "счастьи", но не повторял вместе с Баратынским:

"О счастии с младенчества тоскуя,
Все счастьем беден я..." [2], -

а был счастлив действительно. В том полуфантастическом, но прекрасном и светлом мире, в котором я жил, не было ни станowych, ни квартальных, ни исправников, ни даже губернаторов. То есть не было именно тех станций, на которых слишком рассказавшееся "счастье" обязано останавливаться и поверять себя, действительно ли оно "счастье", а не посягательство, не безумие и не злоумышление. Впоследствии опытные люди удостоверили меня, что идея о "счастии" может по временам оказываться равносильною злодейству, но тогда я ничего этого не понимал. Сказанные выше станции казались мне какими-то туманными точками, при встрече с которыми внимание мое скользило, как будто бы их совсем и не было. Я помню: я уже был тогда на службе и даже писал бумаги, но впечатление, которое оставило во мне это писание, было чисто механическое, или, лучше сказать, меня занимало не содержание бумаг, а те неведомые мне, полуфантастические личности, к которым они были адресованы. Живо представляется мне некоторый Григорий Козмич, которого фигура, как живая, стояла всегда перед моими глазами, фигура маленькая, с армянским типом, с длинным, согнутым крючком носом, с очками на глазах (в то время я его и в глаза не видал, но впоследствии, когда мне на него указали, он действительно оказался точь-в-точь таким, каким рисовало его мое воображение)...

Милостивый Государь
Григорий Козмич!

писал я к нему ежедневно и постоянно заканчивал мое писание словами: "С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть" и проч. О чем я ему писал, в том я и доньше не могу дать себе отчета, но помню, что мой добрый начальник отделения нередко призывал меня к своему столу и разъяснял, в каких случаях следует писать: "о последующем прошу не оставить меня уведомлением", и в каких - "об оказавшемся имею честь покорнейше просить почтить меня уведомлением". Середины, которая несомненно существовала между "милостивым государем" и "совершенным моим почтением", я никак не мог себе усвоить; она улетучивалась, как улетучивается сон, немедленно, вслед за пробуждением. Повторяю: я жил не личною, а какой-то общею жизнью, которая со всех сторон так и плыла и плыла на меня, так и затопляла своим светом, теплом и гармонией.

Так было и в ту минуту, когда добродушный унтер-офицер объявил мне, что необходимо ехать в отдаленную северную трущобу. Я ничего не понял, кроме того: кому и на что надобно, чтоб я ехал? А так как разрешения на этот вопрос не могло быть, то я машинально оделся, машинально вышел из квартиры и машинально же сел в тарантас. Я помню, что я не спросил даже, что это за трущоба и на слиянии каких именно рек она находится...

Дети! если вам случится встретиться на улице с русским унтер-офицером, спешите снять шапку и поклониться ему! Знайте, что это добрейшее и благороднейшее существо в целом мире, что это неиссякаемый источник незлобивости, нежной предупредительности и всяческого унтер-